

На правах рукописи

Москвин Артем Сергеевич

Альтернативный социально-культурный центр как субкультурный феномен

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата
культурологии

5 ДЕК 2013

Киров – 2013

005542398

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет» на кафедре культурологии и рекламы

Научный руководитель:

Поспелова Наталья Ивановна, кандидат искусствоведения, доцент, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»

Официальные оппоненты:

Савельева Ольга Олеговна, доктор социологических наук, профессор, ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ткачева Елена Петровна, кандидат культурологии, доцент, Кировский филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов»

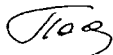
Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

Защита состоится 20 декабря 2013 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.041.02 при ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: г. Киров, ул. К. Либкнехта, 89.

Автореферат разослан 19 ноября 2013 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Н. И. Поспелова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, необходимостью рассмотреть сложные с точки зрения культуротворения и социальной коммуникации процессы, связанные с субкультурной деятельностью самоорганизующихся сообществ. Что оформляет их поведенческую программу? Как и чем стимулируются активности представителей альтернативных социально-культурных центров, позиционирующих себя вне зависимости от государства, тем же государством их стремящимся легитимировать? Как организуется пространство жизни и куда направлен вектор ценностных ориентиров подвижников альтернативных социально-культурных центров? Все эти вопросы требуют сегодня пристального внимания исследователей, поскольку составляют ту ткань культуры, ту «текучую современность» (З. Бауман), с которой мы сталкиваемся ежедневно и которую необходимо описывать, встраивать в широкий социальный, исторический и культурный контексты. Не найдя хотя бы части ответов на эти вопросы, невозможно понять еще более сложные процессы ассимиляции, диктуемой глобализацией, невозможно прогнозировать развитие субкультурных контуров, маркирующих различие внутри этих процессов.

Во-вторых, актуальность исследования альтернативных социально-культурных центров подчеркнута тем обстоятельством, что они представляют собой ризоматичную совокупность субкультурных образований, характерных для постмодернистского состояния культуры XX – начала XXI в. (панки, скинхеды, хиппи и другие). Их изучение в культурологическом аспекте дает ключ к пониманию динамики историко-культурного развития, специфики многообразия, трансформаций и взаимосвязанности различных субкультурных форм.

В-третьих, тема исследования альтернативных социально-культурных центров в определенном смысле заточена на тему развития института гражданских инициатив, гражданского самосознания и толерантности и теснейшим образом связана с тенденцией к политизации российского социума и культуры, что проявилось в способности к самоорганизации людей «снизу» — без помощи властных структур желающих обособиться от государства или ему оппонировать. Сфера культуры, ее инфраструктура в настоящее время претерпевают существенные изменения: «сокращается и трансформируется сеть государственных учреждений культуры, возникают независимые (негосударственные) культурные институции, развиваются культурные и творческие индустрии, а также новые формы культурной самоорганизации»¹.

В-четвертых, нельзя не учитывать и тот факт, что возникшие на западе во второй половине XX – начала XXI в., альтернативные социально-куль-

¹ Обзор культурной политики в Российской Федерации: Аналитический доклад / Совет Европы (Council of Europe); отв. ред.: К. Разлогов, Т. Сандел. Ульяновск: ООО «Мастер Студия», 2013. С. 12.

турные центры получили распространение на постсоветском пространстве. Статистика их неопределенна. Но как в крупных, так и в провинциальных городах подобного рода некоммерческие и негосударственные институции стремительно развиваются, репрезентируя «вызов» культуре в целом.

Перечисленные факторы характеризуют заявленную тему как своевременную, актуальную и приоритетную в ряду общегуманитарных и культурологических исследовательских направлений, а поднятые в работе проблемы как заслуживающие пристального и многоаспектного изучения.

Степень научной разработанности проблемы. Специфика исследуемой темы потребовала обращения к фундаментальным работам по теории, истории, социологии культуры, а также к научным исследованиям, связанным с изучением молодежных субкультур и субкультурного сознания в постиндустриальном обществе.

К категории основополагающих можно отнести работы М. М. Бахтина, Ж. Бодрийяра, М. С. Кагана, К. Леви-Стросса, Ю. Лотмана, Б. Малиновского, Х. Ортеги-и-Гассета, Т. Парсонса, М. Фуко, Й. Хейзинги, которые составили основной корпус источников.

Базовой литературой, связанной с изучением культуры общества в его исторической ретроспективе и социальной специфики стали труды О. Арносона, З. Баумана, Д. Белла, Ж. Бодрийяра, М. Вебера, Т. Веблена А. Я. Гуревича, Дж. Гэлбрэйта, А. В. Костиной, Г. Маркузе, У. Ростоу, Э. Тайлора, О. Тоффлера, Дж. Фрезера, Э. Фромма.

Среди работ, в которых общество рассматривается как неоднородная, постоянно усложняющаяся и стратифицирующаяся структура, наше внимание привлекли труды таких ученых, как Х. Бей, М. Бубер, Ж. Делез, Э. Дюркгейм, М. Маффесоли, Р. Мертон, П. Сорокин, В. Тернер, А. Я. Флиер.

Из всего массива научных работ, посвященных современным субкультурам, доля исследований альтернативных социально-культурных центров исключительно мала. Для их комплексного, всестороннего изучения мы обратились к более обширному кругу смежных проблем, а именно – к освещению проблемы стратификации современного общества, феноменологии субкультурности, деятельности протестных самоорганизующихся сообществ и движений, а также способам существования таких субкультур, как панки, хиппи, скинхеды. Данная проблематика нашла отражение в трудах В. А. Бобахо, А. Н. Ильина, Г. С. Кнабе, С. И. Левиковой, А. Ю. Мельвиля, Е. Л. Омельченко, А. Ю. Павловой, К. Э. Разлогова, Д. Хебдиджа, Е. Н. Шапинской, Т. Б. Щепанской.

Деятельность западноевропейских протестных движений (антиядерное, зоозащитное, феминистское), возможность появления которых было проявлением контркультурного духа времени, рассматривалась в работах К. Агитон, Е. А. Здравомысловой, Д. Катсификаса, Н. Кляйн, А. Мелуччи, Т. Крауса, В. Ц. Худавердяна.

Отдельное внимание было уделено рассмотрению субкультуры хиппи, исследованиями которой занимались Ш. Кейвен и Э. Хофман.

Важной составляющей в становлении альтернативных социально-культурных центров является развитие сквоттерства. Данному субкультурному феномену посвящали свои работы такие исследователи, как О. А. Аксютин, Т. Голова, Д. А. Зеленова, Т. А. Павлова, В. Г. Ященко; среди зарубежных исследователей – С. Акиос, Н. Вейтс, Д. Катсификас, А. Корр, Х. Пруйт.

Интерес к различным сторонам деятельности альтернативных социально-культурных центров проявил П. Б. Савинов, который впервые в отечественной гуманитарной науке дал описание альтернативных социально-культурных центров и поставил вопрос об их роли в социализации и политизации молодежи в гражданском обществе, а также А. Лейси, которая отметила роль Интернета как основного метода коммуникации активистов альтернативных социально-культурных центров.

Несмотря на имеющиеся научные разработки «титульных» молодежных субкультур (хиппи, панки, скинхеды), культурологическое осмысление феномена, который мы определили как «альтернативный социально-культурный центр», только начинается. Причина тому – отсутствие систематизированной эмпирической базы исследования, влияние стереотипов восприятия тех, кто автономно ведет себя по отношению к сложившимся нормам культуры. Анализу деятельности этой маргинальной общности посвящено предлагаемое исследование.

Эмпирическая база представлена в работе тремя группами материалов.

К первой группе следует отнести интервью с активистами альтернативных социально-культурных центров, взятые автором работы.

Вторая группа – это видео- и фото-материалы, в которых так или иначе затронут предмет исследования. Фотографии и видеозаписи, сделанные диссертантом, стали базовой информацией о духовной, материальной, ценностной и повседневной культуре представителей альтернативных социально-культурных центров.

К третьей группе относятся сайты в сети Интернет. Они активно задействованы представителями альтернативных социально-культурных центров в плане использования информационных технологий (уход в слабо контролируемое государством виртуальное пространство, налаживание как местных, так и международных коммуникаций, совместные творческие практики и общение).

Объектом исследования являются временные автономные зоны, представляющие собой территориальные образования, возникающие и развивающиеся как альтернатива доминирующей культуре, существенным фактором которых является функционирование вне зависимости от государственных и коммерческих структур.

Предметом исследования выступает альтернативный социально-культурный центр как наиболее показательная модель временной автономной зоны, получившая развитие в рамках контркультуры и молодежных субкультур в середине XX – начала XXI вв.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном культурологическом анализе альтернативного социально-культурного центра как субкультурного феномена.

Достижение данной цели определило постановку и решение следующих задач:

- выявить универсальные, характерные для любого исторического периода, причины возникновения временных автономных зон и охарактеризовать их интенцию к альтернативности – как в западноевропейской, так и в российской культуре;
- в контексте формирования альтернативных социально-культурных центров рассмотреть новый альтернативный политико-философский дискурс в виде контркультуры, который направил деятельность субкультурных образований в сферу автономности существования;
- дать типологию альтернативных социально-культурных центров, получивших развитие в западноевропейской культуре и выявить их российскую специфику;
- определить место, которое занимает деятельность сквоттеров в процессе формирования феномена альтернативных социально-культурных центров;
- проанализировать становление субкультурного сознания в контексте формирования системы ценностей активистов альтернативных социально-культурных центров России и стран ближнего зарубежья;
- определить место альтернативного социально-культурного центра в городской среде российской культуры и культуры стран ближнего зарубежья;
- проанализировать творческие практики активистов альтернативных социально-культурных центров на материале отечественной культуры и культуры стран ближнего зарубежья.

Методологической основой исследования стал междисциплинарный подход, включающий в себя совокупность методов, релевантных наукам о культуре. Среди основных – методы историко-генетического и историко-сравнительного, историко-типологического анализа, применяемые для выявления причин зарождения временных автономных зон² в культуре, рассмотрения сущности альтернативных социально-культурных центров, их исторических форм, а также методы структурного, системного и семиотического анализа (при комплексном исследовании культурных кодов альтернативных социально-культурных центров в России и странах ближнего зарубежья).

Спецификой работы в методологическом плане стал тот факт, что предмет исследования в некотором роде скрыт от наблюдателя, поэтому поведение активистов (то есть участников альтернативных социально-культурных центров), их ценностные и мировоззренческие установки, их повседневная жизнь являются относительно невидимыми. Помимо этого, изучаемые центры зачастую появляются ненадолго (почему и называются «временными») и могут быть

² Автором данного термина является американский исследователь Х. Бей.

разрушены, вследствие чего о них остается крайне скудная информация. Для восполнения дефицита информации о самих центрах и их участниках в работе использован эмпирический метод полевого исследования (интервьюирование, включенное наблюдение), который дал возможность глубже постигнуть суть изучаемого предмета, прочувствовать дух сообщества и механизмы идентификации. В ходе исследования автором была проанализирована жизнь таких альтернативных социально-культурных центров, как «Саркофаг» (г. Киров, Россия), «Летний социально-культурный центр» (г. Севастополь, Украина), «Веган Клуб» (г. Санкт-Петербург, Россия), «Социальный центр» (г. Минск, Белоруссия), «Фабрика» (г. Тарту, Эстония), «Roquetos» (г. Барселона, Испания), «Distrito VI» (г. Барселона, Испания) и другие. В процессе работы были взяты интервью у отдельных активистов таких альтернативных социально-культурных центров, как «Летний социально-культурный центр» (г. Севастополь, Украина), «Утопия» (г. Пермь, Россия), «Саркофаг» (г. Киров, Россия), «Сквошино» (Псковская область, Россия).

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XX – начала XXI в. В это время зародились и получили свое развитие альтернативные социально-культурные центры. Именно на это время приходится расцвет контркультуры, молодежных субкультур, а также проникновение субкультурного сознания во все ментальные структуры социума.

Гипотеза исследования состоит в том, что альтернативный социально-культурный центр, получивший свое развитие в контркультурной и субкультурной молодежной среде второй половины XX – начала XXI в., отражает мироощущение человека эпохи постмодернизма и является субкультурным феноменом, обладающим всеми характеристиками социокультурного образования.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

- проведен комплексный анализ культурогенеза, исторических форм, творческих практик, ценностного мира альтернативных социально-культурных центров, сложившихся во второй половине XX – начале XXI в.;

- впервые систематизирован и проанализирован в аспекте субкультурного сознания большой эмпирический материал, отражающий специфику и функционирование современных отечественных субкультурных сообществ (на примере альтернативных социально-культурных центров второй половины XX – начала XXI в.);

- введен в научный оборот, прокомментирован и обоснован термин «альтернативный социально-культурный центр»; уточнены дефиниции понятий «временная автономная зона», «сквот»³, «сквоттерство»⁴, «активист», составляющие понятийный аппарат работы;

³ Сквот – это захваченное пустующее здание, где люди (сквоттеры) живут часто не только вследствие необходимости, но и по политическим соображениям.

⁴ Сквоттерство – это акт самовольного заселения покинутого или незанятого места или здания лицами (сквоттерами), не являющимися его юридическими собственниками или арендаторами, а также не имеющими иных разрешений на его использование.

• обоснованы характеристики временных автономных зон в историко-культурной ретроспективе (зарубежный и российский контексты) как предтеча альтернативных социально-культурных центров;

• дана классификация альтернативных социально-культурных центров с целью типологического сравнения сменяющих друг друга в исторической динамике развития субкультурных форм.

Положения, выносимые на защиту:

1. Альтернативные социально-культурные центры сформировались в молодежной контркультурной и субкультурной среде второй половины XX – начала XXI в. и отразили основные свойства постмодернистского, ризоматичного сознания (размытость границ *центр-периферия*, маркирование *своего/чужого*, хаотичная коммуникация, сетевой характер внешних связей).

2. Альтернативный социально-культурный центр являет собой исторически сложившийся тип социальной общности, представители которой занимаются культуротворческой и социально активной деятельностью, но позиционируют себя вне зависимости от государства, коммерческих структур и общепринятых (официальных) культурных норм (поведенческая модель, система ценностей, образ жизни, традиции, творческие практики).

3. Как стратифицирующая модель общества, альтернативный социально-культурный центр является следствием не только культурно-исторического развития, но и процесса глобализации, которому противопоставляет собственные механизмы групповой ценностной регуляции (ценности автономии, самоорганизации, самоуправления, доминирование горизонтальных отношений внутри группы, индивидуальная свобода) и субкультурной принадлежности (установка на замкнутость культурных норм внутригрупповые традиции, творческие практики и др.).

4. Альтернативный социально-культурный центр есть продукт постиндустриального общества, что влечет за собой особый тип групповой социальности, имитирующей (или сохраняющей?) традиционные нормы культуры. В эпоху господства цифровых технологий этот тип замещает вытесняемые интернет-пространством живые творческие практики и живое общение, что делает данную форму социальной общности и актуальной, и легитимной.

5. Сквоттерство как социальная форма выступает генератором субкультурного сознания и релевантно структуре, деятельности, ценностной системе, нравственным принципам альтернативного социально-культурного центра.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в проведении комплексного анализа альтернативного социально-культурного центра как феномена субкультуры (на примере зарубежных и отечественных сообществ), что позволяет выстроить преемственную связь с социокультурными аналогами прошлого как в синхроническом, так и в диахроническом плане.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы диссертации могут быть востребованы в процессе изучения теории и истории

культуры, социологии культуры, прикладной культурологии, массовой культуры и молодежных субкультур, автономных протестных движений. Научные выводы, сделанные в работе, окажутся полезными в практической деятельности культурологов, социальных педагогов и психологов, работников центров социальной адаптации, специалистов в сфере организации работы с молодежью и более широкого профиля.

Личный вклад заключается в обосновании того, что альтернативный социально-культурный центр является субкультурным феноменом, имеющим истоки в контркультурной и молодежной среде середины XX века, а также во включении в научный оборот ключевого для данной работы понятия «альтернативный социально-культурный центр»; в привлечении большого объема эмпирического материала, собранного в процессе полевых исследований в России и странах ближнего зарубежья, с целью проведения комплексного анализа предмета исследования.

Проблематика диссертационного исследования находится в соответствии с паспортом научной специальности 24.00.01 Теория и история культуры и отражает современное состояние теории и истории культуры в позициях: 1.8 – Генезис культуры и эволюция культурных форм; 1.14 – Возникновение и развитие современных феноменов культуры; 1.20 – Культура и субкультуры. Региональные, возрастные и социальные ориентации различных групп населения в сфере культуры; 1.24 – Культура и коммуникации.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на научных семинарах кафедры культурологии и рекламы ВятГУ. Помимо этого, они были представлены в виде докладов на всероссийских, межрегиональных и региональных научных конференциях, семинарах и конкурсах в г. Санкт-Петербурге («Организация работы с молодежью: современные социальные технологии и перспективы развития» – 2011 г.), г. Шуя («Актуальные проблемы теории и истории культуры в контексте развития гуманитарного и педагогического образования» – 2012 г.), г. Кирове («Философия – культура – социум» – 2011, 2012, 2013 гг., «Российская провинция и США: история отношений (на примере Вятско-Камского региона)» – 2012 г., «Отечественная война 1812 года в образах и текстах культуры» – 2012 г., «Молодежь против экстремизма» – 2013 г.). Также опубликован ряд статей по теме диссертации и по ее отдельным аспектам. Материалы исследования изложены в 16 научных публикациях, в том числе, в изданиях, рекомендованных ВАК РФ (4 публикации).

Структура работы выстроена в соответствии с целью и поставленными задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 280 наименований, и Приложения. Общий объем работы составляет 145 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяется объект, предмет, цель и задачи исследования, проводится анализ степени научной разработанности, комментируется эмпирическая база, определяются хронологические рамки исследования, выдвигается гипотеза, описывается методология, раскрывается научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования, личный вклад автора, структура диссертационного исследования.

Первая глава – **«Историко-культурный генезис временных автономных зон»** – посвящена возникновению независимых от доминирующей (господствующей) культуры территориальных образований, в которых зарождаются альтернативные принципы социокультурной деятельности. Особое внимание уделяется рассмотрению причин появления таких социальных групп и их специфике в разные исторические эпохи.

В параграфе 1.1. – **«Причины зарождения временных автономных зон»** – дается аналитический обзор подходов к пониманию сущности и причин происхождения временных автономных зон в обществе; выделяются неотъемлемые характеристики временной автономной зоны: территориальная автономность, образование социальной общности и культурной обособленности.

Прежде всего, в работе подчеркивается, что человеческое общество стратифицировано и представляет собой сложную многослойную структуру. Выдвигается гипотеза, связанная с тем, что однородность противоречит самой сути человеческого существования, поскольку культура изначально внутренне неоднородна и морфологически «соткана» из множества субкультурных образований.

Существенным для диссертанта является понятие «аномии», введенное в научный оборот Э. Дюркгеймом и получившее развитие в трудах Р. Мертон. Аномия наступает тогда, когда динамичное развитие общества приводит к его массовизации и дифференциации, что в свою очередь ведет к потере солидарности между его членами. Проблему внутренней неоднородности (на примере средневекового общества) исследовал М. М. Бахтин. Его концепция народной культуры, которая возникла и развивалась с целью обоснования равновесия общества, нашла отражение в данном разделе.

Важным для автора работы явилось обращение к работам В. Тернера и М. Бубера, которые разрабатывали понятия *структура* и *коммунитас*. Структура понимается ими как жесткая, косная, устоявшаяся система, не приспособленная к изменениям и нововведениям. Коммунитас же – это открытая система, дающая людям свободу действия и мысли. Эти два состояния сопровождают общество перманентно – на протяжении всей истории, что важно для понимания возникновения и развития субкультурных процессов в XX–XXI вв.

Тот факт, что в обществе всегда появляются люди, которые по разным причинам выпадают из целостной структуры, становясь маргиналами, про-

стимулировало диссертанта обратиться к учению М. Маффесоли о «божественном социальном». Анализ социологических теорий позволил сделать вывод о том, что любая временная автономная зона имеет интенцию к построению утопии «здесь и сейчас», законы которой (если иметь ее классический вариант) вполне согласуются с характеристиками временных автономных зон.

Особое внимание в параграфе уделено рассмотрению особенностей временных автономных зон, получивших импульс к своему развитию во второй половине XX – начала XXI в. Мы предложили назвать их «альтернативными социально-культурным центрами». Продолжая разговор о причинах появления альтернативных социально-культурных центров в современной культуре, автор обращается к концепции дисциплинарной власти, предложенной М. Фуко.

В конце параграфа делается вывод о том, что временные автономные зоны возникали и функционировали в каждую культурно-историческую эпоху, а свою «альтернативную» специфику получили лишь в эпоху постмодернизма.

В параграфе 1.2. *«Временные автономные зоны в исторической ретроспективе»* идет разговор о существовании временных автономных зон в конкретных культурно-исторических эпохах в западноевропейском и российском дискурсе, выявляются их характеристики и взаимовлияние.

Диссертант среди большого количества временных автономных зон выделяет два вектора их развития: религиозные и светские зоны. В эпоху античности функцию временной автономной зоны выполняла иудейская секта («кумранская община»). В работе дается характеристика этой общности и подчеркивается, что деятельность секты получила свое логическое продолжение в христианском вероучении (римские раннехристианские общины, возникшие по схожим с кумранитами принципам).

Дальнейшее развитие временных автономных зон происходит в тесной связи с процессами Реформации. Например, деятельность по реформации церкви Яна Гуса, потерпевшего свое поражение от католической церкви, была продолжена христианской деноминацией «Чешские братья». Жило братство по примеру ранних христиан. Более устойчивое автономное территориальное образование мы можем видеть на примере протестантских общин амишей.

Эпоха Просвещения с точки зрения автора породила два крупных феномена временных автономных зон. В Англии – это движение истинных левеллеров (диггеров), а во Франции – фаланстеры (или фаланги) социалиста-утописта Шарля Фурье. Данные территориальные образования постепенно отходят от религиозного мироощущения и это неудивительно – мир постепенно входит в новую деистическую эпоху.

Ход рассуждения дает возможность диссертанту выделить основные характеристики западноевропейских временных автономных зон: это стремление к уходу от цивилизации; ограждение себя от общества; участие в

группе низших слоев населения; непотребительский и неприхотливый быт; отношения между людьми, построенные на принципах равенства; возрастающая роль женщины в коллективе.

Далее дается характеристика временных автономных зон, получивших свое развитие в российской культуре и отмечается, что их развитие в истории коррелируется с процессами, происходившими с подобными образованиями в Европе.

В-первую очередь, речь идет о жизнедеятельности сектантских общин скопцов и хлыстов. Автономность существования данных сект выражалась в совместных собраниях (радениях), в принятии общинной присяги и в построении общины. Однако и светские зоны, так или иначе, носили характер «вызова» основной парадигме культуры, поскольку были связаны с деятельностью социалистических политических организаций утопического толка. Эти организации старались построить прообраз будущего общества в своей маленькой коммуне. Одной из таких организаций был кружок «чайковцев». Попытки организации фаланстеров в России принимались также в первые годы советской власти и реализовывались в виде советских домов-коммун.

В конце параграфа делается вывод, что деятельность западноевропейских и российских временных автономных зон была включена в общемировой культурный контекст развития и представляла собой закономерный процесс тех социокультурных форм, которые оппонировали доминирующей культуре.

Во второй главе – «Субкультурное пространство как среда формирования альтернативных социально-культурных центров во второй половине XX – начале XXI вв.» – речь идет о том, что альтернативные социально-культурные центры как разновидности временных автономных зон имеют особенность: они зародились и получили свое развитие в рамках контркультуры и молодежных субкультур в специфической атмосфере эпохи постмодернизма.

В параграфе 2.1. «Условия формирования альтернативных социально-культурных центров» анализируются историко-культурные условия, которые дали толчок к развитию альтернативных социально-культурных центров. Диссертант описывает конкретные проявления условий формирования альтернативных социально-культурных центров: рождение контркультуры; разрастание общества потребления; новый политико-философский дискурс; образование «новых социальных движений»; формирование различных молодежных субкультур. Анализируется влияние на формирование альтернативных социально-культурных центров политических движений левого толка, сформировавшихся в новом политико-философском дискурсе. Одно из них – это движение «новых левых». Параллельно с движением «новых левых» появилось ещё одно левое политическое движение под названием «ситуационизм», а чуть позже зародилось движение автономов.

В рамках развития «нового левого», автономистского движения, движения ситуационистов, в западноевропейском обществе формируются так назы-

ваемые «новые социальные движения», которые активно повлияли на становление альтернативных социально-культурных центров. К таким движениям относятся экологическое, женское, антиядерное движение и движение за мир.

Диссертант уточняет, что в тесной связи со сменой политико-философского дискурса получили развитие такие субкультуры, как хиппи, панки и сквоттеры, повлиявшие на возникновение альтернативных социально-культурных центров.

В конце параграфа делается вывод, что в середине XX века образуется специфическая культурная среда, которая направляет деятельность субкультурной и контркультурной молодежи в абсолютно новое русло, а именно выталкивает ее в повседневность, автономный принцип существования в «малых группах», которые зачастую объединялись не только идеологически, но и территориально.

В параграфе 2.2. *«Классификация альтернативных социально-культурных центров»* дается характеристика разновидностей альтернативных социально-культурных центров, возникших на протяжении середины XX – начала XXI вв. в западноевропейской культуре. Диссертант выделяет две разновидности альтернативных социально-культурных центров: коммуны хиппи и самоуправляемые социальные центры.

Первая разновидность альтернативных социально-культурных центров тесно связана с субкультурой хиппи – это коммуны хиппи. Хиппи предпочитали жить сообща, а для этого они зачастую объединялись в коммуны, в которых налаживали свою социокультурную деятельность.

Второй разновидностью является самоуправляемый социальный центр. Данную разновидность автор работы поделил на две более мелкие: «легальный самоуправляемый социальный центр» и «нелегальный самоуправляемый социальный центр». Разница между ними в том, что «легальный самоуправляемый социальный центр» использует для своей деятельности здание, полученное в собственность законными мерами (покупка, аренда), а «нелегальный самоуправляемый социальный центр» получает в пользование здание посредством сквоттирования, то есть, путем захвата (незаконно).

Далее диссертант обращается к специфике развития альтернативных социально-культурных центров в СССР и видит её в том, что они были менее политически активны и акцент в них делался зачастую на творческую составляющую, а также на то, что подавляющее их число создавалось методом сквоттирования (территориального захвата).

В конце параграфа резюмируются основные характеристики альтернативных социально-культурных центров в виде таблицы.

Параграф 2.3. *«Место сквоттерства в контексте функционирования альтернативных социально-культурных центров»* посвящен одному из способов получения в собственность здания для организации в нем альтернативного социально-культурного центра.

В начале параграфа дается определение понятий сквот и сквоттерства, а также идет речь о том, что движение сквоттеров зародилось в середине

XX века в рамках развития молодежной субкультуры и контркультуры, движения новых левых, ситуационистов, автономов и в рамках деятельности «новых социальных движений». Диссертантом в семиотическом ключе рассматривается графический символ сквоттерского движения, которым является молния, пронзающая круг.

Автор утверждает, что сквоттерство является синтетической субкультурой. Сквоттерством занимаются и хиппи, и панки, и деятели клубной культуры, а также представители других субкультур. Это крайне разветвленный, размытый феномен, что вполне укладывается в рамки ризомной структуры современной постмодернистской культуры. Предлагаются три подхода к его классификации. Первый дан В. Г. Ященко, который выделяет две разновидности сквоттерства – *стихийное* и *идеологическое*. Стихийное сквоттерство представляет собой захват земли или помещения без цели создания в нем какого-либо социально-культурного пространства. На основе стихийной, первичной формы сквоттерства, основывается другая, наиболее идеологизированная, социально-активная форма – идеологическое сквоттерство.

Наиболее убедительную классификацию сквоттерства дает голландский исследователь Х. Пруйт. *Вынужденное сквоттерство* начинается возникать в европейских странах из-за нужды, вследствие жилищной проблемы для огромного количества людей. *Сквоттерство как альтернативная жилищная стратегия* рассматривается как сквоттирование в целях создания независимого места жительства, своеобразной коммуны. *Кооперативный вид* сквоттерства отличает то, что он создается для совместной социально-культурной деятельности. *Охраняющее сквоттерство* представляет собой заселение какого-либо объекта в знак протеста против его нерационального использования, а также для сохранения городского ландшафта. *Политическое сквоттерство* является самым радикальным видом сквоттерства, участниками которых чаще всего являются приверженцы левой идеологии. Третья классификация затрагивает тему отношения сквоттеров к окружающему миру. Диссертант выделяет *эзотерическое* и *экзотерическое* сквоттерство. Эзотерическое сквоттерство предполагает попытку полностью закрыться, стать невидимым, уйти от цивилизации, а экзотерическое сквоттерство в свою очередь открыто к доминирующей культуре, оно наступает на нее и хочет, чтобы мнение активистов сквоттерского движения было учтено.

В итоговых рассуждениях делается вывод, что сквоттерство является одним из основополагающих способов создания альтернативных социально-культурных центров, хотя и не все разновидности сквоттерства способствуют их появлению.

В третьей главе – «Альтернативные социально-культурные центры в современной России и странах ближнего зарубежья: комплексный анализ» – подчеркивается, что альтернативный социально-культурный центр является субкультурным образованием. Для обоснования данного утверждения диссертант ставит задачу всесторонне рассмотреть данный субкультурный феномен как систему, состоящую из трех подсистем: духовный, материальный, художественный компоненты культуры.

В параграфе 3.1. *«Ценностные аспекты функционирования альтернативных социально-культурных центров»* рассматривается духовный компонент культуры, то есть то, что мы можем назвать ценностной парадигмой участников субкультурной группы. Учитывая деятельность современных альтернативных социально-культурных центров (АСКЦ) в России и странах ближнего зарубежья, диссертант выделяет основные ценности активистов: профанный характер деятельности; внеинституциональность и ризоматичность; стремление к автономии; низовой характер формирования; самоуправление, влекущее за собой доминирование горизонтальных отношений, отказ от иерархического устройства и регуляцию жизни коллектива посредством прямой демократии. Духовные ориентиры активистов АСКЦ необходимо искать в профанном характере деятельности: XX век для культуры – это время утраты религиозного мироощущения. Субкультурное и контркультурное поле эпохи постмодернизма второй половины XX в. (и начала XXI в.) во многом противопоставляло себя буржуазному мироустройству и религиозности в целом. Внеинституциональность АСКЦ выражается в том, что в обществе они занимают маргинальное положение, выпадают из системы, растворяясь в ризоматичном пространстве. Причины стремления к автономии альтернативных социально-культурных центров, по мнению диссертанта, рождаются из желания уйти от общества потребления (в терминологии Ж. Бодрийяра), от общества спектакля (в терминологии Ги Дебора), от городской суеты и скрыться в гостеприимных «оазисах» (в нашей терминологии – центрах). Помимо ценностных установок к сфере духовной культуры диссертант относит образ жизни активистов, их традиции и выясняет, что, в соответствии с культурно-исторической обстановкой и мировоззренческими ориентирами у представителей АСКЦ сложился определенный образ жизни, который можно обозначить как антипотребительский. В конце параграфа автор отмечает, что духовный компонент культуры необходимо рассматривать в соотношении с другими компонентами, поскольку они не отделены друг от друга, а развиваются в тесном взаимодействии.

Параграф 3.2. *«Место альтернативного социально-культурного центра в городской среде»* посвящен системному анализу материального компонента культуры альтернативных социально-культурных центров, под которым понимается среда обитания (повседневное пространство, в котором существует АСКЦ). Утверждается, что при создании центра активисты встречаются с большими трудностями, связанными с финансами. Для того, чтобы преодолеть трудности, необходимо вложение больших моральных и физических сил, в связи с чем в центрах среди активистов развивается полифункциональная деятельность. Можно сказать, что вся коллективное творчество центров подчиняется этике DIY⁵, которая популярна в молодежной субкультурной среде.

⁵ Принцип DIY (от англ. Do It Yourself, что в переводе означает «сделай сам») представляет из себя установку на минимальное обращение к внешней среде и стремление создавать все самим, собственными силами

Далее анализируется внутреннее зонирование помещений АСКЦ: зона питания, зона приема пищи, место для сна, туалет, публичная зона. Констатируется, что центры зачастую располагаются в неудобных помещениях городского пространства (окраина города, подвальные помещения, помещения в неблагоприятных районах). Эта типичная для территориального бытования ситуация объясняется автором работы как стремление к маргинальным (по сути, протестным) формам жизни.

В конце параграфа обозначено, что в соответствии с ценностными ориентирами и особенностями материальной культуры выстраивается художественная составляющая культуры активистов – творческие практики, характеристике которых посвящен следующий раздел исследования.

Параграф 3.3. *«Творческие практики активистов альтернативных социально-культурных центров»* рассматривается художественная подсистема культуры изучаемого субкультурного сообщества. Автор берет за основу типологию культуры и искусства М. С. Кагана и разделяет искусство на три группы: временные, пространственные и пространственно-временные. Художественная культура АСКЦ носит маргинальный характер, так как она выпадает из социума, располагаясь «ни здесь, ни там» и не встраиваясь в принятые доминирующей культурой рамки. В российских АСКЦ наибольшее распространение получили такие искусства, как фотография, граффити, компьютерная графика, декоративно-прикладное искусство. Среди временных и пространственно-временных видов искусства как приоритетных следует отметить музыку, литературу, кино (особенно популярного у российских активистов).

В **заключении** подводятся итоги исследования и определяются возможные перспективы дальнейшей работы над темой. В заданной методологической парадигме они видятся, во-первых, в расширении географического ареала исследуемых альтернативных социально-культурных центров; во-вторых, в более углубленном исследовании частных проявлений субкультурной активности центров; в-третьих, в привлечении методов и методологии смежных наук (в частности, социологии) для анализа деятельности центров.

Рассмотрев историко-культурный генезис временных автономных зон, проанализировав контркультурное и субкультурное пространство, в лоне которого сформировались альтернативные социально-культурные центры, проанализировав альтернативные социально-культурные центры в России и странах ближнего зарубежья в аспекте междисциплинарной методологии, автор достиг той цели, которая была заявлена в работе.

Два итоговых тезиса задают новую парадигму и делают тему открытой для дальнейшего исследования:

1. Личностная культура активистов (представителей АСКЦ) альтернативных социально-культурных центров характеризуется многообразием коннотаций, выходящих за пределы замкнутой субкультурной системы, и в этом смысле предложенная тема имеет перспективы для дальнейшего изучения, прежде всего, в плане накопления, систематики, сравнительного анализа

эмпирического материала, который в социальной культурологии всегда первичен и обладает самодостаточной ценностью по отношению к любым теориям.

2. «Вызов» альтернативности, предъявленный жизненной философией и творческими практиками, всей деятельностью активистов (представителей АСКЦ), встраивается в общую картину «социокультурного настоящего». Какими будут отношения этой актуальной на сегодняшний день исторической формы субкультуры и социальной общности с доминирующей культурой? Как будет воспринят этот вызов? Каков будет «ответ» на него со стороны государства как хранителя и законодателя официальной культуры? Покажет время.

**Основные положения диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях:**

*Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях,
включенных в реестр ВАК МО и Н РФ*

1. Москвин, А. С. Альтернативные, или «низовые», социально-культурные центры в отечественной и зарубежной научной литературе / А. С. Москвин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. – № 4(1). – С. 142–148.

2. Москвин, А. С. К вопросу о типологии социально-культурных центров: идеологический аспект / А. С. Москвин // В мире научных открытий. – Красноярск: Научно-инновационный центр (Гуманитарные и общественные науки), 2012. – № 11(35). – С. 117–128.

3. Москвин, А. С. Территориальные автономные зоны в истории развития западноевропейской культуры / А. С. Москвин // Вопросы культурологии. – М.: Изд. дом «Панорама», 2013. – № 3. – С. 51–56.

4. Москвин, А. С. Автономные социокультурные зоны в истории развития российской культуры / А. С. Москвин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. – № 2(1). – С. 131–134.

*Статьи в сборниках научных трудов и тезисы докладов
на научно-практических конференциях*

5. Москвин, А. С. Панк как вызов ценностям массового общества / А. С. Москвин // Вестник культурологии: сб. науч. материалов студ. и аспирантов / науч. ред. Н. И. Поспелова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – Вып. 7. – С. 27–31.

6. Москвин, А. С. Существует ли кировский панк? / А. С. Москвин, Н. И. Поспелова // Сквозь границы: культурологический альманах. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – № 8. – С. 117–122.

7. Москвин, А. С. Сквоттеры и власть: противостояние как самоутверждение / А. С. Москвин // Философия – культура – социум: аспекты

взаимодействия: сб. науч. материалов студ. и аспирантов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – Вып. 1. – С. 216–220.

8. Москвин, А. С. Типология и поведенческая модель европейских и российских сквоттеров: опыт компаративного анализа / А. С. Москвин // Организация работы с молодежью: современные социальные технологии и перспективы развития: материалы Всерос. науч. практ. конф. Санкт-Петербург, 24–25 ноября 2011 г. / под ред. Г. В. Ковалевой. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2011. – С. 125–130.

9. Москвин, А. С. Социально-культурный центр: определение, разновидности, основные характеристики феномена / А. С. Москвин // Философия – культура – социум: аспекты взаимодействия: сб. науч. материалов студ. и аспирантов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. – Вып. 2. – С. 216–220.

10. Москвин, А. С. Территориальные автономные зоны: история возникновения / А. С. Москвин // Философия – культура – социум: аспекты взаимодействия: сб. науч. материалов студ. и аспирантов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. – Вып. 3. – С. 156–160.

11. Москвин, А. С. Альтернативный социально-культурный центр: системный анализ (на примере «Летнего Севастопольского социально-культурного центра») / А. С. Москвин // Имя и чаша: сб. науч. тр.: в 2 т. – Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – Т. 2. – С. 66–70.

12. Москвин, А. С. Сквоттерство в США и России: общее и различное / А. С. Москвин // Российская провинция и США: история отношений (на примере Вятско-Камского региона): сб. науч. ст. межрегион. науч. конф. – Киров: ООО «Кировская областная типография», 2012. – С. 72–76.

13. Москвин, А. С. Игры ролевиков: опыт реконструкции Отечественной войны 1812 года / А. С. Москвин // Отечественная война 1812 года в образах и текстах культуры: сб. науч. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 1 ноября 2012 года. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. – С. 92–97.

14. Москвин, А. С. «Летний Севастопольский социально-культурный центр»: системный анализ / А. С. Москвин // Философия – культура – социум: аспекты взаимодействия: сб. науч. материалов студ., магистрантов, аспирантов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. – Вып. 4. – С. 161–166.

15. Москвин, А. С. Сущность и причины появления контркультурных образований в обществе / А. С. Москвин // Молодежь против экстремизма: материалы конкурса науч. и творческих работ среди молодежи и специалистов, работающих с молодежью Кировской области. – Киров, 2013. – Вып. 5. – С. 48–57.

16. Москвин, А. С. Сущность и причины зарождения автономных социокультурных зон / А. С. Москвин // Advanced science. – 2013. – № 2(4). – С. 124–139. – Режим доступа: <http://www.vyatsu.ru/nash-universitet/nauchnyiy-elektronnyy-zhurnal-advanced-science/novyiy-nomer.html>

Подписано в печать 19.11.2013 г.

Формат 60×84/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 1,25.

Тираж 110 экз.

Заказ № 267.

Отпечатано

в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674